

Администрация МО «Ленский район».
Яренская библиотека.
Районный Совет ветеранов войны и труда.

**Землякам,
пережившим вся
тяготы войны,
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

***И помнит
Ленская земля...***

**Архангельск
2005**

**И ПОМНИТ ЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ... - Архангельск: ФУГП
«Сев.-Зап. кн. из-во, 2005. - 200 с.;ил.**

Книга «И помнит Ленская земля...» представляет собой сборник воспоминаний тех жителей или уроженцев Ленского района, кто был участником сражений Великой Отечественной войны на разных ее фронтах, кто был призван на оборонные работы, кто в ту далекую пору заготовлял древесину или убирал урожай на колхозных полях. Свои впечатления о военном лихолетии осталось и у детей, они тоже делятся воспоминаниями на страницах этой книги.

Широко представлен в книге иллюстрационный материал, многие фотографии, которые хранятся в семейных альбомах жителей района, публикуются впервые.

Издание представит интерес для всех, кто небезразличен к истории Ленского края.

Людям нашего поколения не довелось познать на себе, что такое война. Мы больше знаем о ней из рассказов отцов и дедов, из кинофильмов, со страниц книг. Но чем старше мы становимся, тем дальше и дальше в прошлое отдаляются от нас военные годы, тем все острее ощущается нами отвага воевавших на фронтах Великой Отечественной, боль потерявших на этой войне родных и близких, мужество тех, кто всего себя отдавал труду во имя Победы. Тем здравее видится все величие их подвига. Не потому ли День Победы стал одним из самых дорогих сердцу и нашей памяти праздников на Ленской земле.

Дорогие ветераны, участники Великой Отечественной войны, все те, кто пережил ее и с честью выдержал суровые испытания! От имени людей своего поколения, от имени всех земляков поздравляем всех вас с праздником – Днем Победы, от всего сердца желаем вам мирного неба над головой, крепкого здоровья, добра и света в ваших домах, любви ваших близких!

С праздником!

**Владимир МАСЛОВ, глава администрации
МО «Ленский район»,
Алексей ВЕРЕЩАГИН, депутат
Областного собрания**

**Шестидесятая весна
кидает солнечные блики
на каменные обелиски,
где в бронзе ваши имена.
Они как на посту стоят,
сменив на миг
бойцов уставших.
И помнит Ленская земля
своих героев,
и живых, и павших.**

Так велит Память

На Ленской земле не гремели взрывы Великой Отечественной войны. На полях ее не гибли солдаты, не вставали скромные памятники с остроконечной звездой над братскими воинскими могилами. Но почти в каждом поселке, в каждом селе стоят обелиски памяти наших земляков, не вернувшихся с той далекой войны. И почти у каждого такого обелиска есть свой скорбный список имен героев, запечатленный навечно в металле или граните.

С каждым годом редеют и ряды ветеранов войны, осколки гранат и свинцовые пули словно догоняют их, проносясь через десятилетия мирной жизни. Все меньше остается тех, кто пережил суровые сороковые, работая в тылу, то нечеловеческое напряжение для многих обернулось болезнями, которые тоже, как пули и осколки, настигают наших отцов и матерей, людей старшего поколения.

Уходят от нас те, кто помнит, как солдатами мерзли в Синявинских болотах, отстаивая от врага Ленинград, кто валил лес, приняв лучковую пилу из рук ушедших на фронт мужа, брата или сына, кто с утра до ночи трудился на колхозных полях, на фермах, не замечая усталости. Уходят те, кто мог бы рассказать о том, какая она была, та война, как воевали на фронтах ее наши земляки, какими страшными шагами отмеряла она версты наших сел, поселков, деревень. Но мы должны знать эту правду, не приукрашенную и не очерненную некоторыми услужливыми историками. Мы должны слышать ее из уст тех, кто пережил войну. Так велит Память.

Попытку донести эту правду до тех, кто живет в начале двадцать первого века, мы делаем, выпуская в свет эту книгу. Ее

создавали не писатели, не журналисты – авторы ее те, кто сам перенес все тяготы войны, будучи солдатом, работником тыла или просто ребенком, для кого военные годы остались в памяти, как сохраненный навечно фотоснимок, пусть пожелтевший, но ясно сохранивший каждую черточку того нелегкого времени.

Каждый из них видел эту войну по-своему. Общим было одно: страстное желание выдержать, перенести все испытания. И – победить. И не было тогда счастья выше, чем встретить в мае 1945 года Великую Победу.

Часть этих воспоминаний публиковалась в районной газете «Маяк», в других периодических изданиях в разные годы, часть была собрана учениками школ района, записана внуками ветеранов. Мы благодарны всем, кто сохранил для нашей памяти эти дорогие нам воспоминания. Надеемся, что собранные вместе, эти рассказы помогут вам представить то далекое время.

К сожалению, не все материалы смогли мы поместить в этой книге, хотя каждый рассказ о том времени заслуживает того, чтобы быть услышанным. Выпуском этой книги мы не заканчиваем сбор воспоминаний о далекой военной поре, фотографий, документов.

Редакция

Мы предчувствовали полыханье этого трагического дня...

К. Янова (Яренск)

В лесном поселке

Зимой 1938-1939 года я заведовала медпунктом на Вандышской тракторной базе. База находилась на высоком берегу реки Лупьи. В то время не во всех лесопунктах района были тракторы. А тут лес вывозили тракторами. В главном поселке базы были расположены тракторный парк, контора, столовая, магазин, жили трактористы. Всего в поселке насчитывалось 350—400 человек.

Примерно за десять километров вглубь леса был расположен другой поселок. Он назывался Ели. А еще дальше, в восьми километрах, находился поселок Суропья. В Елях жило около 100 лесорубов, в Суропье - 60-70 человек. Главный медицинский пункт находился в лесопункте Вандыш. Для обслуживания двух других поселков летом мне выделяли лошадь с седлом, а зимой - упряжку.

Но вот осенью 1938 года получаю от заведующей райздравотделом В. П. Ерастовой приказ: немедленно переехать с медпунктом в Ели, поселки Вандыш и Суропья посещать, кроме вызовов, через каждые два дня. Ниже Вера Петровна пояснила, что в Елях в эту зиму будет действовать военно-учебный пункт, туда прибудет около 300 человек. Мне предписывалось проводить беседы на санитарные темы, учить людей оказывать первую медицинскую помощь.

Все это было неожиданным для меня. Я просила у райздравотдела помощи.

- Никого не жди, людей нет, - ответила мне В. П. Ерастова.- Можно послать стоматолога, но только на 4-5 дней.

Я опасалась другого. Думала, допризывники - люди молодые, среди них окажутся недисциплинированные. Боялась - не справлюсь со своими обязанностями.

Но как я ошибалась в людях! Бойцы военно-учебного пункта днем работали в лесу. Работали хорошо, без прогулов и других наруше-

ний трудовой дисциплины. За бараком в 200-300 метрах было устроено стрельбище, там они учились метко стрелять. Изучали разные военные дисциплины, устройство винтовки и другого оружия.

Это были трудолюбивые, скромные, преданные Родине люди. Многие из них потом отдали свои жизни за нашу любимую Родину.

Б. Велигжанинов (Запорожье)

День начинался тихо

Тот день начинался тихо, мирно, солнечно. Просыпался на часик-другой позже Яренск, как и заведено в воскресенье, да без всякой скидки на выходной тянулись по угору через Софроновку на пристань кому на пароход, а понизу по песку поскрипывала бричка с почтой. И где-то в этой не шибко людной толпе и я с фанерчатым саквояжиком топал - пустила мать на недельку к брату Мише погостить.

Не очень долго стоит пароход на нашей пристани: дровами не запасаться, грузы, что полагается, выгрузит-примет, пассажиров обменяет, просвистит и дальше вниз по Вычегде.

День был теплый, а в такую погоду лучшего места, чем на верхней палубе, не сыщешь: и билет дешевле - за трешку можно до Котласа добраться, и вокруг во все стороны гляди.

Не упомню уж всех, кто из наших, яренских, на пароход тогда садился. Людновато на палубе было. Но кто поближе устроился да поприметней был – помнятся. Рядышком со мной дед из Лантиша уселся. Головенка босая, бородища, что у Льва Толстого, а заместо правой ноги деревяшка. Дед не переставая смолил самосадом, словно комарье отпугивал, да на двух кумушек, что напротив со своими узлами расселись, поглядывал. И усмехался - больно уж потешно те разговор промеж себя вели. Одна все говорила, говорила, а другая поддакивала: “Слава те, господи!”, “Не приведи, господь!”, “Благословеся!”. Пока до Наволока плыли, я чуть ли не всю биографию той говоруны прознал, да и еще кой-какие новости: что Маша-зырянка опять в запой ударилась и что у Насти-родственницы опять мужик намедни дома не ночевал, что, наконец, коза ее Зорька “шибко ногу зашибла, хоть режь теперича”.

- Слава те, господи! - поддакнула вторая невпопад.

- Ты че мелешь-то, кума?

Казалось, вот-вот они из-за той козы поругаются. Но тут подле

нас военный с девушкой остановились: из каюты, похоже, вышли свежим речным воздухом подышать. Девушка, судя по говору, вроде бы из местных. А как к нам повернулась, на темном жакетике медаль серебром блеснула, что по тем временным было редкостью. Так и хотелось узнать, какой боевой подвиг она совершила. Но меня опередил дед.

- Это за штошь орден-то пожаловали?

Девушка мило улыбнулась и сказала:

- За финскую, папаша, - а командир пояснил:

- Нашего брата с поля боя выносила.

- Сестра милосердия, стал быть?

- Не совсем так, отец. Оля санинструктором в нашей роте была, - военный протянул початую пачку “Казбека”.

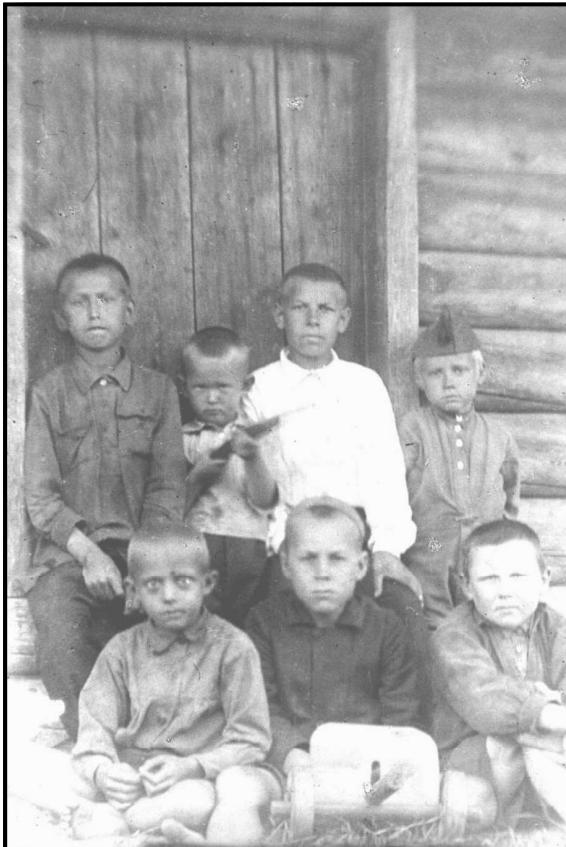
Дед от угощенья не отказался. Сунув папиросу за ухо, спросил:

- Ну как, Красная Армия, не полезет на нас германец-то?

- Не должен, отец, - командир, напомнив о договоре, не так давно подписанном с Гитлером, добавил, - а, ежели что, то “броня крепка и танки наши быстры”.

Дед хитровато прищурился - похоже, в чем-то не согласен был, - но промолчал. Я же целиком был на стороне командира: в школе все мы так думали.

Ничего, казалось, не предвещало в тот день неожиданного чего-то. Шлепал вниз по реке наш пароход, придерживаясь берегов и

Мальчишки предвоенных лет. Кто знал тогда, что скоро придется им сменить игрушечные пулометы на настоящие...

расписания; выходил время от времени на верхнюю палубу капитан; притихли под солнышком пассажиры.

Когда солнышко поднялось выше некуда, большинство к своим узлам и котомкам потянулось. И тут, в самый разгар “палубного” обеда будто гром среди ясного неба:

- Война!

Кто сказал первым это страшное слово?

Ходуном заходил пароход. Запричитали голосисто бабы.

- Вот те и не должен, - бросил упрек командиру дед.

- Месяц-два, самое больше полгода, и конец тому Гитлеру, - сказал кто-то из толпившихся на палубе.

Такого мнения, пожалуй, были все мы “палубные”, и лишь дед покачал головой:

- Германец супротивник сурьезный. Его шапками не закидашь.

Но на него зашикали, и он больше не встревал в разговор. Скажи он тогда, что война продлится не год и не два, его бы, пожалуй, врагом народа обозвали.

С того часа вез наш пароход, наряду с почтой и грузами, и эту страшную весть. Не было в деревнях тогда еще радио.

В Литвино, где я слез, о войне еще ничего не знали, хотя в том новом поселке на вычегодской круче имелся радиоузел. Пришлось мне пересказывать все, что про войну на пароходе слышал.

Не у всех победное настроение в тот вечер было. Не пиликала гармошка, как раньше по выходным. Не разгуливали стайками парни и девки по единственной улице, где по обе стороны еще пни торчали. Помнится, вздыхала ворочаясь на скрипучей кровати, Анюта, братня жена: “Че теперь с нами-то будет, Миша?”

- Спи, Нюра, спи. Броня у меня, вот че.

Миша был механиком. Он ушел в армию перед ноябрьскими праздниками. А под новый год пришла похоронка.

Н. Пивоваров (Яренск)

22 июня 1941-го. Яренск...

Мне вспоминается этот день. Накануне в Яренской средней школе, где я преподавал, состоялся выпускной вечер. Около десяти часов утра, проходя мимо райисполкома, я увидел взволнованного Зосиму Федоровича Игина, работавшего в райкоме партии, и остановился.

- Что случилось?

- Кажется, война с Германией.

Мы быстро направились в райвоенкомат. Военком А. Т. Мясищев шел навстречу. Нужно было убедиться, точно ли это, а радиоузел не работал: Кижмольская ГЭС была на ремонте.

Собрались у приемника начальника радиоузла Е. Ешколова. Ждали сообщения.

В 12 часов дня я явился в военкомат. Уполномоченные райвоенкомата выезжали в сельсоветы. Началась мобилизация.

Я тогда был молод. О многом не имел представления, хотя и вел в школе военную подготовку учащихся. Меня поразило то, что назавтра все учащиеся пришли в райвоенкомат проситься на фронт. Дело доходило до слез. Особенно у девчонок.

Военком был занят призывающими. Он поручил мне объяснить учащимся, чтобы “ждали очереди те, кто не дорох”.

Мобилизация по первому набору продолжалась четыре дня. В Яренске собралось около тысячи мобилизованных. Мне пришлось

быть комендантом. Надо разместить людей, накормить их. В здании нынешней начальной школы разместилось около 600 человек. Яренских отпускали на ночь домой. Сам все четыре дня не бывал дома.

26 июня отправка. Военком объявил мне, что я буду сопровождать мобилизованных до

Выпускники Яренской школы 1941-года

Архангельска. До пристани шли в сопровождении духового оркестра. Настроение хорошее. Пока не было парохода, я разрешил разойтись попрощаться.

Подошел пароход “Сысола”. Но мы не торопились с отъездом. Семьи расставались с завтрашними фронтовиками. Наконец, воен-

ком сказал мне, чтобы я строил людей и вел на пароход. Я подал свисток. Пассажиры, уже солдаты, прощаясь на ходу с женами и детьми, бежали в строй на посадку.

Я очень немногих помню из состава этой команды. Знаю лишь, что уезжали П. П. Жданов, П. И. Ванеев, И. В. Щеголев.

К. Янова (Яренск)

На фронт

Военная медицинская комиссия с начала войны находилась в старом Доме культуры. Деревьев вокруг клуба и восьмилетней школы не было, на их месте была расположена большая площадь. Здесь прощались, отправляя на войну солдат, жены, матери, сестры; здесь встречали после победы демобилизованных воинов.

Помню, от Дома культуры до улицы Братьев Покровских все стояли люди. Здесь были мобилизованные в армию и провожающие их матери, отцы, сестры, братья. Слышался плач, наставления и пожелания: будем ждать домой..., будь здоров..., пиши..., вернись..., мать будет ждать...

Меня вызвал военком Мясищев и вручил приказ сопровождать мобилизованных до Архангельска. Первый рейс был 26 июня. Ехали будущие бойцы на пароходах. Среди них были люди и за сорок, а были и молодые, почти мальчишки. Видела я, как смотрели они на пожни и говорили: “Косить бы нам да зароды метать”.

Мне, как медицинскому работнику районной больницы, в 1941 году пришлось дважды сопровождать команды мобилизованных воинов. Второй раз Архангельск встретил нас еще более тревожно: везде светомаскировка. По улицам постоянно проходили колонны солдат с винтовками, пели: “Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...

В июне-июле 1941 года, более ста наших земляков отправилось на Ленинградский фронт защищать славный город на Неве. И среди них был Петр Бекетов. Он был одним из самых веселых и общительных людей, с кем я встречалась, рассказывал о Ленинграде, музеях, памятниках, о ленинградцах.

Я его так больше и не видела. Через два месяца, в сентябре 1941 года, он погиб.

В то памятное время, в июле 1941 года, восемь медицинских

сестер из нашего района ушли на фронт. А после войны, в 1946 году, вернулись только две из них: Евдокия Ильинична Бельцына и Елена Александровна Новоселова.

М. Юринский (Ирта)

Были сборы недолги

Военную службу начал в сентябре 1939 года. Служить начинал в Сибири. Весть о войне с Германией застала меня в Алтайском крае. Мы находились в лагерях на левом берегу реки Бия. Майский набор 1941 года состоял из жителей Западной Украины и Западной Белоруссии, недавно освобожденных.

В десять часов вечера был сделан отбой. Я обошел палатки, проверил, кто как улегся, как сложил свое обмундирование. Только закончил обход - вдруг боевая тревога. Поднимаю роту. И вовремя. Прибежал командир роты и повел роту на плац полка. Там мы узнали от комиссара полка, что гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз.

Тут случилось неожиданное. Один боец нашей роты, поляк по национальности, вдруг упал на землю без сознания. Когда врач привел его в чувство, спросили:

- Что с тобой?
- Да как же, я только унес ноги от Гитлера, а он опять напал.

Оказалось, что когда немцы в 1939 году оккупировали Польшу, этот поляк оказался на оккупированной территории. Узнав, что советские войска протянули руку помощи братьям - западным украинцам и белорусам, он с группой других поляков бежал к нам.

Новобранцы остались учиться. Меня включили в состав 101-й сибирской дивизии, назначили заместителем командира взвода. 5 июля 1941 года дивизия прибыла на фронт.

Попадали и в окружение. Из первого окружения в составе взвода вышли в течение суток, потеряв при прорыве одного человека. Второе было посерезнее. В кольце оказалась вся дивизия. Это уже было под Москвой, в ноябре 1941 года. Командование дивизии дало приказ выходить поротно, кто как сумеет. Наша рота после трех суток блуждания по тылам немцев, по болотам и лесам вышла к своим.

В. Крюков (Яренск)

Войны мы не ожидали

В Советскую Армию меня призвали осенью 1940 года. Командой в двадцать человек прибыли мы на пароходе в Котлас, где уже нас ждали вагоны-теплушкы. Вместе со мной ехали Николай Клочихин из Яренска, Егор Жданов из Паладино и Леня Леушев из Кожерома. Всю длинную дорогу мы держались вчетвером. Разучивали недавно исполненную Марком Бернесом песню “В далекий край товарищ улетает”. Мы пели о товарище, который пройдет все бои и войны, чтобы спокойно спал любимый город, не ведая о том, что уезжаем надолго, сами испытаем ужасы войны, и что не каждый из нас вернется домой.

Эшелон останавливался в Москве, Киеве, но мы эти города не видели. Когда пересекли старую границу и стали углубляться на территорию Западной Украины, ландшафт словно изменился. Мы уже привыкли к большим колхозным массивам, а тут - лоскутки полей разных размеров и цветов. Показалось непривычным и обращение украинцев, год назад освобожденных из-под польского гнета, друг к другу. Они всех, в том числе и нас, называли панами.

Нас высадили в городе Новый Самбор, юго-западнее Львова. Там я неожиданно встретился с земляками, взятыми в армию годом раньше: Анатолием Ершовым из Лантыша, Александром Яченевым с Микшиной Горы, Сергеем Пиминовым из Лопатино. Мы узнали, что их выпускают из полковой школы, а нас берут на их место.

Я с большой охотой шел на военную службу. Мечтал попасть в морской флот или в кавалерию, а угадал в тяжелую корпусную артиллерию, к 152-миллиметровым пушкам-гаубицам.

Войны мы не ожидали. Правда, приходилось видеть, как иногда в ясную погоду немецкие самолеты нарушили границу. Порой прилетали наши “ястребки” и отгоняли нарушителей. Как-то раз, уже в июне 1941 года, по самолету-нарушителю открыли огонь наши зенитки.

Утром 21 июня 1941 года нам приказали сдать постельные принадлежности на полковой склад и сжечь конспекты (противооткатное устройство у орудий было секретным). Нам выдали каски, котелки, фляги и плащ-палатки. Всех распределили по батареям. Вечером командиров орудий, отделений и взводов командование предупредило, что ночью будет тревога и чтобы все подчиненные оставались одетыми и обутыми.

Не помню, в котором часу действительно была подана команда: “Подъем! В ружье!” Мы быстро прибежали в артпарк, подцепили орудия к тракторам, привели в походное положение. Поступила команда заглушить моторы, и мы долго в темноте стояли у орудий. В городе не было ни огонька. Тишина угнетала. Словно все вокруг вымерло.

Уже перед утром по команде “Моторы!” мы двинулись: в Карпаты. Когда рассвело, на нас стал наползать все усилившаяся шум. Мы подняли головы - небо потемнело от множества самолетов с черными крестами. Самолеты шли на большой высоте на восток. В каком-то лесу нас нагнал начальник штаба полка. Остановив колонну, он сообщил, что немецкие войска перешли государственную границу.

- Наша задача согнать врага с нашей территории, - сказал он.
- И разбить там, откуда он пришел, - добавили мы.
- Повторяю, - нахмурился он, - что задача согнать немцев с нашей территории.

Весть о войне даже не взволновала никого.

- Хоть постреляем досыта! - обрадовался кто-то.

Мы думали, что произойдет стычка, как у озера Хасан. В полковой школе нас отступать не учили, и мы были полны решимости дать достойный отпор противнику. Остановились у границы. Наши разведчики засекли на той стороне много целей. Мы подготовились к бою: снаряды вынули из ящиков. На нашем участке граница не была нарушена, и стрелять через границу нам не разрешили.

Война, между тем, набирала силу. Соседи на флангах попятались, и нам пришлось тоже отходить. На некоторых рубежах разворачивались, занимали огневые позиции и вели огонь из орудий по противнику. Затем снова отходили.

Первый сбитый немецкий бомбардировщик и обгорелых летчиков увидели на окраине города Станислава (ныне Ивано-Франковск). В первую штыковую атаку пришлось сходить при прорыве из окружения у станции Грейгово (кажется, в Николаевской области). Первых фашистских пленных и первые богатые трофеи - много груженных военным имуществом автомашин - я увидел тут же.